

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ

въ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ КАПЕЛЯРИИ

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

№ 158

(Декабрь).

1909.

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 к.

СОДЕРЖАНІЕ. Святой Іоаннъ Златоустъ о зависти.—Какъ обрѣсти благодать предъ Богомъ?—Дерево познается по плодамъ. Н. К.— Лугъ благоухающій. Н. К.—Люди Божіи. Ігумена Неофита.—„Воздай Всевышнему обѣты твои“... (Псал. 49 ст. 14). Святи. Н. Мирялобова.—Изъ семейныхъ воспоминаній. В. К.—ина.—Преподобный Іосифъ Пѣнописецъ. (Память 4 апрѣля).—Книжная лѣтопись —Святи. Ан. Попова.

СВЯТЫЙ ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЬ О ЗАВИСТИ.

Вѣтъ зла хуже зависти. Блудникъ, на примѣръ, по крайней мѣрѣ получаетъ нѣкоторое удовольствіе, и въ короткое время совершаетъ свой грѣхъ; а завистливый мучить и терзаетъ себя прежде того, кому завидуетъ, и никогда не оставляетъ своего грѣха, но всегда остается въ немъ. Свинья любитъ валяться въ грязи, демоны—вредятъ намъ; такъ и завистливый радуется несчастію ближняго. Когда случится съ ближнимъ что либо непріятное, тогда онъ покоенъ и веселъ, почитая чужія несчастія своимъ счастіемъ, а благополучіе другихъ своимъ злополучіемъ и ищетъ не того, что ему могло бы быть пріятно, но того, что ближняго можетъ опечалить. Такіе люди недостойны ли того, чтобы побить ихъ камнями и замучить, какъ бѣшеныхъ собакъ, какъ злобныхъ демоновъ, какъ самихъ фурій? Какъ жуки питаются навозомъ, такъ и они, будучи нѣкоторымъ образомъ общими врагами и противниками природы, находятъ для себя пищу въ несчастіяхъ другихъ. Другіе жалѣютъ и безсловесное животное, когда его убиваютъ, а ты неистовствуешь, дрожишь и блѣднѣешь, видя челоуѣка благополучнымъ. Можетъ ли быть что хуже такого бѣшенства? Вотъ почему блудники и мытари могли войти въ царствіе Божіе, а завистники, находившіеся внутри его, выгнаны будутъ (Матѹ. 8, 12). Первые, освободившись отъ своихъ пороковъ, получили то, чего никогда не ожидали; послѣдніе лишались и тѣхъ, какія имѣли. Да и совершенно справедливо. Зависть превращаетъ челоуѣка въ діавола, и дѣлаетъ его лютымъ демономъ. Отъ нея произошло первое убійство, отъ нея презрѣна природа, отъ нея осквернена земля. Но можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: порицать зависть легко; а надобно позаботится о томъ, какъ избѣжать этой болѣзни. Какъ же можемъ мы освободиться отъ этого порока? Когда подумаемъ, что входить въ Церковь не позволено какъ блуднику, такъ и завистнику, и притомъ гораздо болѣе послѣднему, нежели первому. А нынѣ зависть не считаютъ

и порокомъ, почему и не заботятся избавиться отъ нея; но если откроется, что она зло, то легко оставимъ ее. Итакъ, плачь и стеновъ, рыдай и моли Бога; научись относиться къ ней, какъ къ тяжкому грѣху, и каяться въ немъ. Если такъ поступишь, то вскорѣ исцѣлишься отъ этого недуга. Но кто же не знаетъ, скажешь, что зависть порокъ? Правда, всякій знаетъ это, но не всякій страсть эту ставитъ на ряду съ блудомъ и прелюбодѣніемъ. Осуждалъ ли кто себя когда нибудь за то, что предавался жестокой зависти, умолялъ ли когда Бога, чтобы помиловалъ его за этотъ недугъ? Никто никогда. Напротивъ, обладаемый гнуснѣйшею изъ всѣхъ страстию, если постился и далъ нищему мелкую монету, то думаетъ, что онъ ничего худого не сдѣлалъ, хотя бы тысячекратно завидовалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ представь и то, что ты не тому наносишь вредъ, кому завидуешь, а поражаешь мечомъ себя самого. Въ самомъ дѣлѣ, какое зло причинилъ Авелю Каинъ? Ему противъ воли ускорилъ входъ въ царствіе небесное, а себя подвергъ безчисленнымъ бѣдствіямъ. Что худого сдѣлали Юсифу сыновья Іакова, хотя едва не пролили крови? Не претерпѣли ли они голода и не были ли въ крайнемъ бѣдствіи, тогда какъ тотъ сдѣлался царемъ всего Египта? Чѣмъ больше завидуешь, тѣмъ большія блага доставляешь тому, кому завидуешь. Богъ на всѣхъ смотритъ, и когда видитъ обиженнымъ необижающаго, то его еще болѣе возвышаетъ и прославляетъ, а тебя наказываетъ. Если Онъ не оставляетъ безъ наказанія тѣхъ, которые радуются несчастію своихъ враговъ, какъ то сказано: не радуйся паденію враговъ твоихъ, да не увидитъ Богъ, и не угодно Ему будетъ (Притч. 24, 17), то тѣмъ болѣе не оставитъ безъ наказанія завидующихъ не причинившимъ имъ никакого вреда. Итакъ отсѣчемъ отъ себя этого звѣря многоглаваго — зависть. Если любящій любящаго его не имѣетъ никакого преимущества предъ мытаремъ, то гдѣ станетъ ненавидящій ничѣмъ необидѣвшаго его? Какъ избѣжить геенны, сдѣлавшись хуже язычниковъ?

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

КАКЪ ОБРЪСТИ БЛАГОДАТЬ ПРЕДЪ БОГОМЪ?

Какъ обрѣсти благодать предъ Богомъ? Какъ же иначе, если не смиренномудріемъ? Богъ, говоритъ Писаніе, гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать (Притч. III, 34); и: жертва Богу духъ сокрушенъ, и сердце смиренно Богъ не уничижитъ (Псал. I, 19). Если и людямъ пріятно смиреніе, тѣмъ болѣе Богу. Такъ язычники обрѣли благодать; такъ и іудеи отпали отъ благодати: правдѣ бо Божіей не повинущася (Римл. X, 3). Смиренный угоденъ и пріятенъ всѣмъ, живетъ въ постоянномъ мирѣ и не имѣетъ никакой причины ко враждѣ. Будешь ли оскорблять его, порицать и говорить ему что бы то ни было, онъ станетъ молчать и переносить съ кротостію и будетъ имѣть такой миръ со всѣми, какого и выразить невозможно, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и съ Богомъ. А заповѣди Божіи къ тому и направлены, чтобы намъ пребывать въ мирѣ съ людьми, и вся жизнь наша хороша тогда, когда мы въ мирѣ другъ съ другомъ; Богу же никто не можетъ причинить зла; Онъ по природѣ Своей не подлежитъ вліянію зла и выше всякой страсти. Ничто такъ не дѣлаетъ хрістіанина достойнымъ удивленія, какъ смиренномудріе.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

•••••

Дерево познается по плодамъ.

По неизмѣннымъ законамъ Творца, существующимъ въ мірѣ духовно-нравственномъ, всякое доброе дѣло, какое дѣлаетъ человѣкъ на пользу другихъ, прежде всего, оно благотворно дѣйствуетъ на нравственное состояніе самого дѣлателя. Въ этомъ то вотъ и заключается награда добродѣтели въ настоящей жизни. Дѣлающій доброе этимъ самымъ развиваетъ въ себѣ добрыя чувства и укрѣпляетъ силы души въ этомъ направленіи. Такъ, часто подающій милостыню, съ теченіемъ времени, пріобрѣтаетъ милосердность;—часто переносящій обиды и не воздающій зломъ за зло, съ теченіемъ времени, пріобрѣтаетъ терпѣніе и дѣлается великодушнымъ и кроткимъ, часто принуждающій себя къ молитвѣ и покаянію,—дѣлается молитвен-

никомъ и смиреннымъ сердцемъ; также бываетъ и по отношенію къ другимъ добродѣтелямъ. И такъ въ этомъ уже и есть награда добродѣтели, что дѣлающій доброе чрезъ это дѣлается добрымъ. И всякій, кто бы ни соприкасался съ такимъ человѣкомъ, то добро, какое онъ имѣетъ въ своемъ сердцѣ, ощущаетъ чувствами своей души, услаждается имъ и благодаритъ Бога—помощника и содѣйственника въ добромъ. Принимая вотъ это во вниманіе при оцѣнкѣ добрыхъ дѣлъ человѣческихъ, можно по нравственному состоянію сердца и по совокупности душевныхъ чувствъ безошибочно заключать какъ о качествахъ добрыхъ дѣлъ, такъ и о свойствахъ духовной жизни человѣка. Но когда приходится вступить въ бесѣду съ людьми уклоняющимися отъ Господа, впадшими въ тьму невѣрія и зараженными социалистическими идеями „любви къ ближнимъ“, то съ первыхъ же словъ и разсужденіи станеть замѣтно, что внутренняя жизнь такихъ людей, не заключая въ себѣ ничего святаго и божественнаго, находится въ самомъ жалкомъ положеніи: страдаетъ и убожествомъ, и недовольствомъ, и разочарованіемъ и человѣконенавидѣніемъ. Не видно въ душѣ ни единого проблеска благодати Божіей, не ощущается и въ малой мѣрѣ благоуханія святыхъ добродѣтелей: смиренія, кротости, благодушія, любви и духовной радости,—а видна какъ бы тьма мысленная и расстройство силъ и способностей души по отношенію къ добру, и ощущается духъ мертвости, тяжести и унынія. Почему отъ словъ и бесѣды съ такими людьми дѣлается весьма тяжело на душѣ. Недовольство жизнью, невидѣніе истины, свѣта, добра ни въ людяхъ, ни въ жизни, ни въ себѣ самихъ, составляетъ отличительную черту такихъ людей. Отчего безотчетная скорбь, тайная грусть, непонятная тоска, овладѣвая сокровенностями сердца, исполняютъ ихъ жизнь тягостнымъ уныніемъ и безпросвѣтнымъ мракомъ. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться даже по наружному облику лица, которое у такихъ людей всегда покрыто бываетъ какъ бы туманомъ и мракомъ какимъ. Да и что можетъ утѣшить того человѣка, что оживить душевно, усладить сердечно, освятить духовно, который удалился отъ Источника жизни,—отпалъ отъ благодати Христовой и лишилъ себя молитвеннаго общенія съ Творцомъ?.. Къ кому можетъ прибѣгнуть онъ въ трудныя минуты жизни и возвѣститъ печали и скорби своего сердца; на кого возложить свои надежды и упованія и кому вѣрить свою жизнь, свою конечную судьбу и участь свою, если угасилъ въ себѣ свѣточъ вѣры, если омрачилъ въ душѣ ликъ Божій, если впалъ въ бездну невѣрія?.. Ничто не утѣшитъ такого человѣка въ жизни сей и нигдѣ не найтн ему покоя, отрады и приближенія, если не обратится онъ къ Богу. Но таковъ ужъ есть грѣхъ по своему свойству, что онъ ослѣпляетъ у человѣка умныя

очи и ожесточаетъ духовныя чувства, а потому человекъ, работающій грѣху, не смотря на всю его тягость и мучительность, самъ собою не можетъ отстать отъ него и обратиться къ свѣту истины. Не можетъ сознать онъ также и своего ненормальнаго состоянія, не можетъ сознать нужды исправленія себя, и взыскать врача душъ и тѣлесъ нашихъ—Христа Господа. И проводя безпечную и горькую жизнь въ отчужденіи отъ Бога, лишается милости Господней. И сбывается тогда на немъ слово писанія: „Яко се удаляющій себе отъ Тебѣ погибнуть“... Итакъ, вотъ когда вѣрующій хрістіанинъ увидитъ страшную бѣдность души такихъ людей, ощутитъ чувствомъ сердца всю тягость ихъ душевнаго состоянія, тогда и познаетъ вѣрно и опредѣлитъ истинно, что не духъ благодати Христовой живетъ въ ихъ сердцахъ, а какой то иной, темный духъ скрывается въ глубинахъ ихъ души и подвигаетъ ихъ на такія дѣла, которыя никакой не приносятъ для нихъ пользы, кромѣ вреда. Сравнивая же блаженное состояніе внутренней жизни людей благоугождающихъ Господу и то, какъ велико подается вѣрующимъ душамъ утѣшеніе отъ благодати Божіей, съ тѣмъ безотраднымъ состояніемъ души, какое видится въ людяхъ уклоняющихся отъ Господа, вѣрующій хрістіанинъ въ умилени сердца прославляетъ великую милость человекѣлюбца Господа, являемую рабамъ Своимъ, и прилагаетъ большее усердіе къ прохожденію хрістіанской жизни по заповѣдямъ Божиимъ.

Н. К.

ЛУГЪ БЛАГОУХАЮЩІЙ.

Случалось ли тебѣ, возлюбленный, въ ясный лѣтній день бывать на широкомъ прекрасномъ лугу, усѣянномъ множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ? Твое зрѣніе навѣрно любовалось привлекательными красотами нѣжно распускающихся цвѣтовъ. а чувство обонянія, безъ сомнѣнія, наслаждалось ароматическими благоуханіями воздуха. Созерцая предъ собою какъ бы море цвѣтущей растительности и вдыхая струи напоеннаго ароматами воздуха, ты, можетъ быть, возносился въ это время умомъ и сердцемъ къ Виновнику такой дивной красоты и прославлялъ Его Творческую премудрость словами пророка: „дивна дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси“! А можетъ быть при этомъ тебѣ восходило на сердце и такое помышленіе: „прекрасенъ этотъ лугъ, испещренный разнообразными красотами, привлекательны виды нѣжно распускающихся цвѣтовъ, и пріятное чувствуется отъ нихъ благоуханіе,—но еще прекраснѣе и

несравненно лучше и возделѣннѣе есть лугъ духовный — посреди рая Христова, сіяющій многочисленными ликами святыхъ и преподобныхъ мужей и благоухающій дивными ароматами добродѣтелей! Какое чудное представляетъ онъ зрѣлище для ихъ мысленныхъ очей! Какими небесными, привлекательными красотами онъ украшенъ! Сколько неувыдаемыхъ, духовно-сіяющихъ цвѣтовъ видится на немъ! И хотя всѣ они одинаково боголюбивы и привлекательны, но каждый изъ нихъ просіяваетъ какою-либо отличною красотою, благоухаетъ—особенною добродѣтелію: одинъ—глубокимъ смиреніемъ; другой—дивнымъ терпѣніемъ; иной—необыкновеннымъ милосердіемъ; а другой—великою любовію; тотъ—крѣпкимъ мужествомъ, а сей—голубиною кротостію и незлобіемъ; этотъ—обиліемъ премудрости; а сей—даромъ чудотворенія. Но всѣ они святы, небесны, божественны! Всѣ живутъ одною блаженною жизнію, всѣ просвѣщаются однимъ свѣтомъ—истиннымъ незаходимымъ! Отбѣже отъ нихъ болѣзнь, печаль и воздыханіе. Утѣшитель Духъ Святой, подобно тихому дыханію вѣтра, оживотворяетъ ихъ и сообщаетъ жизнь, радость, приснобытіе!..“ Отъ такихъ помысленій и созерцаній, можетъ быть, и у тебя, возлюбленный, возбуждались въ сердцѣ добрыя желанія и умиленные чувства: „что, если бы и тебѣ самому сдѣлаться цвѣтомъ благоухающимъ въ мірѣ, возсіять чистою жизни и украситься Евангельскими добродѣтелями? Что, если бы и тебѣ послѣдовать стопамъ святыхъ, благоугодившихъ Богу и хотя бы въ малой мѣрѣ быть причастникомъ тѣхъ совершенствъ духовныхъ и благодатныхъ даровъ Духа Святаго, какими они обильно сіяютъ? Тогда бы и ты могъ воскликнуть съ пророкомъ такія слова: „*Господь посетъ мя, и ничтоже мя лишитъ. На мѣстѣ злачнѣ, тамо всели мя, на водѣ покойнѣ воспита мя. Душу мою обрати, настави мя на стези правды, имени ради своего. Аще бо и пойду посреде стѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси: жезлъ Твой и палица Твоя, та мя утѣшитъ. Уготовалъ еси предо мною трапезу противъ стужающимъ мнѣ: умастилъ еси елеемъ главу мою, и чаша Твоя упоявающи мя, яко державна. И милость Твоя пожнетъ мя вся дни живота моего, еже вселишимся въ домъ Господень въ долготу дній!*“ (Ис. 22). Но между тѣмъ, ты живешь такъ нерадиво, безпечно, грѣховно, забывая о Богѣ и не помышляя о нравственномъ преслѣваніи... А вѣдь жизнь твоя здѣсь не долговѣчна,—она подобна цвѣту, который сегодня есть, а завтра завянетъ. „*Человѣкъъ (сказано) яко трава днѣ его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ: яко духъ пройде въ немъ и не будетъ и не познаетъ къ тому мѣста своего...*“ (Ис. 102. 16). И еще: „*Изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою, въ той день погибнутъ вся помысленія его...*“ (Ис. 145, 5). „*Милосте же Господня отъ вѣка и до*

явка (бываетъ только) на боящихся Его, и правда Его на сыньхъ сыновъ, хранящихъ заветъ Его и помнящихъ заповѣди Его творити я“ (Ис. 102. 17. 18). Почему, пока не ушло время благоприятное къ дѣланію; пока не пробилъ грозный часъ смерти, и не затворились двери торжища, — позаботься о душѣ своей, потрудись въ дѣлѣ своего спасенія, подьими хотя малый трудъ ради заповѣди Христовой и Господь не лишитъ тебя благихъ Своихъ! Но если ты, почему либо, не захочешь взять на себя иго Христово будешь проводить въ суетѣ дни свои и угодбишься рабу лѣнивому и неключимому,—то куда пойдешь ты, несчастный, послѣ смерти, гдѣ вселишься? Ты низойдешь изъ міра сего, по слову Христову, во тьму кромѣшную, полную страха и ужаса, гдѣ не присѣщаетъ свѣтъ лица Божія, гдѣ нѣтъ славословія и благодаренія и гдѣ не раздается гласъ радости и веселія!..“ Помышляя такъ, ты, можетъ быть, въ сіе время, полагаешь въ себѣ самомъ и доброе намѣреніе, — чтобы прочее время живота своего проводить въ мирѣ, покаяніи и добрыхъ дѣлахъ, по заповѣдямъ Христовымъ?.. И уходя съ луга видимаго, сталъ возноситься умомъ къ предметамъ духовнымъ, извлекая нравственную пользу для самого себя.

Хорошо это и прекрасно: отъ чувственнаго восходить къ духовному и отъ видимаго къ умосозерцаемому. Великая отъ сего бываетъ польза для души. Но рѣдко возбуждаются въ сердцѣ подобныя помышленія, при взглядѣ на природу. Они должны считаться великой милостью Божіей и дѣломъ единственно благодати Христовой, возбуждающей насъ къ лучшему. Но такъ какъ подобныя мысли для насъ очень необходимы и полезны, видимая же природа не всегда располагаетъ къ созерцанію;—то я хочу указать тебѣ, возлюбленный, еще на иной прекрасный лугъ, несравненно лучший видимаго: никогда неувядающій, всегда цвѣтушій и благоухающій; восходить на который ты можешь не мысленно только, а самую дѣйствительностію, во всякое время: отъ взгляда на который еще большая ощущается польза для души.

Это книги „житія святыхъ“, которыя по богатству духовныхъ красотъ, по разнообразію и привлекательности совершенствъ и по дивному аромату благоуханія, превосходятъ всякій видимый лугъ!

Когда ты будешь углубляться въ чтеніе этихъ книгъ, и внимательно всматриваться въ ихъ святую жизнь, то, незамѣтно будешь переноситься въ это время какъ бы въ иной чудный міръ—міръ святыхъ мыслей, чувствъ, желаній и созерцаній. Ты будешь переживать въ это время, тѣ самыя состоянія души, тѣ настроенія сердца, какія переживали святые и—пріобщаться тому духу благодати Божіей, который воодушевляеть ихъ сердца. Ты

позабудешь въ это время всѣ житейскія невзгоды, волнующія твое сердце, и освободишься отъ брани грѣховныхъ страстей. Чудное почувствуешь ты въ душѣ своей утѣшеніе! Живые примѣры и прекрасные образы дѣятельнаго исполненія въ жизни Христовыхъ заповѣдей, будутъ украшать внутреннюю храмину твою и возбуждать тебя къ добрымъ дѣламъ, во славу Божию. Отъ пристального взора на ихъ духовныя совершенство будетъ измѣняться нравственное состояніе твоего сердца, и умиляться духъ въ теплотѣ чувствъ. Напечатлѣвая въ умѣ и сердцѣ трогательные образы ихъ дѣятельности, ты и самъ въ иное время послѣдуешь ихъ доброму примѣру и сотворишь плодъ жизни. Внимательное чтеніе доставитъ тебѣ самыя вѣрныя взгляды на жизнь и обогатитъ тебя добрыми чувствами. Мы такъ бѣдны душею, слабы духомъ, холодны любовію къ Богу и усердіемъ къ добру, но чрезъ близкое знакомство со святыми, чрезъ частое съ ними общеніе, посредствомъ чтенія, будемъ, при Божіей помощи, богатѣть духовно, утверждаться въ добрѣ и возбуждаться къ любви Божіей. Однимъ словомъ,—чтеніе доставитъ тебѣ неизъяснимую пользу, великое благо. Съ душею умиленною, исполненною духовныхъ созерцаній, ты будешь уходить съ этого луга и прославлять Господа—дивнаго во святыхъ своихъ!..

Сіе на память себѣ написалъ я въ минуты свободнаго досуга; а, можетъ быть, оно доставитъ и тебѣ нѣкую пользу, дорогой мой читатель!

Н. К.

Л Ю Д И Б О Ж І И.

(Окончаніе).

III.

Димитрій Чемодановскій.

Димитрій былъ тоже юродивый Христа ради. Чемодановскимъ онъ называется по деревнѣ, въ которой родился 16 октября 1827 года въ приходѣ Новосельской Николаевской церкви, Кадниковскаго уѣзда. Умеръ онъ на восьмьдесятomъ году жизни и погребенъ на кладбищѣ Старосельской церкви. Рано ли началъ Димитрій юродствовать, неизвѣстно; всѣ знающіе запомнили уже Димитрія живущаго ради Бога. Онъ поистинѣ не имѣлъ гдѣ главу подклонити, всю жизнь скитался съ мѣста на мѣсто; ѣлъ тогда, когда покормятъ его добрые люди, самъ же ни у кого ничего не просилъ, ночевалъ тамъ, гдѣ примутъ его, гдѣ прию-

тятъ отъ темноты ночной или отъ стихійной непогоды. Одеждою раба Божія было какое нибудь порванное, подаренное добрымъ крестьяниномъ, рубище, на головѣ была шляпа или шапка тоже ветхая и порванная, а не рѣдко можно было видѣть его и съ непокрытой головой. Въ рукахъ, а обычно на плечѣ, на палкѣ Димитрій Чемодановскій носилъ корзину, какъ будто для собиранія милостыни, въ корзину иногда не было ни одного кусочка хлѣба, иногда три четыре. Многіе жители той мѣстности, гдѣ скитался человекъ Божій, замѣчали, что предъ плохимъ урожаемъ хлѣба въ корзину у Димитрія почти никогда не увидишь, а предъ хорошимъ урожаемъ у него всегда лежали на днѣ корзины кусочки хлѣба или пирожка.

Смиреніе и удивительное терпѣніе—были выдающимися чертами Димитрія Чемодановскаго.

Подвигъ свой онъ совершалъ тайно. Иногда крестьяне подстерегали Димитрія гдѣ нибудь въ лѣсу, когда онъ усердно молился и съ умиленіемъ пѣлъ церковныя пѣснопѣнія. При людяхъ онъ старался казаться зауряднымъ, грѣшнымъ человекомъ, даже болѣе, онъ представлялся иногда пьянымъ, говорилъ безсвязныя, глупыя рѣчи. Недаромъ же непонимавшіе смысла поступковъ Димитрія считали его за дурачка. Но несомнѣнно, что Димитрій Чемодановскій жилъ для Бога.

Благодать живущаго въ немъ Духа проявлялась въ его словахъ, поступкахъ и дѣйствіяхъ весьма очевиднымъ образомъ.

Въ дер. Бакрыловѣ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ былъ большой пожаръ. Жители этой деревни рассказываютъ, что не за долго до пожара зашелъ въ деревню Димитрій Чемодановскій и, удаляясь изъ деревни, на срединѣ ея, на улицѣ, оставилъ свою корзину.

— Димитрій, вѣдь ты забылъ корзину-то, догнавъ, говорили ему мужички.

— Вамъ она можетъ быть пригодится, отвѣтилъ на это юродивый, а вѣдь мнѣ-то дадутъ.

Слова раба Божія сбылись. Случился пожаръ и почти всѣ жители принуждены были, взявъ корзинки, идти собирать на погорѣлое мѣсто.

Почти одновременно съ тѣмъ, Димитрій какъ то вблизи Бакрылова натеребилъ моху, принесъ въ деревню и говорилъ: „моху то много, вамъ пригодится“. Дѣйствительно, мохъ понадобился при постройкѣ новыхъ домовъ.

Крестьянинъ той же деревни Бакрылова П. В-въ весной сѣялъ яровое.

Къ нему подходитъ Димитрій Чемодановскій и говоритъ: „торопись, торопись сѣять-то, чтобы отъ людей не отстать“.

Крестьянинъ удивился этимъ словамъ. Лошадь у него была

молодая, здоровая, еще недавно онъ купилъ ее, заплатилъ 100 рублѣй.

— Почему бы я, думаетъ онъ, могъ отстать отъ сосѣдей въ поѣздѣ?

Дѣйствительно, крестьянинъ не успѣлъ досѣять, лошадь его неожиданно пала, оставшуюся пашню ему пришлось засѣвать поздно.

Крестьянка А. Г-ва рассказываетъ про Дмитрія замѣчательный случай. Какъ то въ зимній вечеръ она пришла къ сосѣдкѣ на бесѣду съ прялкой. Приходитъ Дмитрій Чемодановскій.

— Ужъ я у тебя почую..

— Ночуй, съ радостью позволяетъ хозяйка.

Дмитрій начинаетъ снимать съ себя верхнее рубище, но вдругъ снова надѣваетъ и говоритъ:— „Нѣтъ, ужъ я, матушка, не стану ночевать то; какъ да придетъ хозяинъ, да забранится; зачѣмъ, скажетъ, пустила ночлежника? Шутка ли какой ночлежникъ!

Хозяйка удивляется! Зачѣмъ приходитъ мужу, когда онъ теперь на работѣ за 20 верстъ отъ дома.

— Нѣтъ, придетъ, продолжаетъ Дмитрій, да пьяный, заругается, лучше ужъ я уйду. Парень то все плачетъ да зоветъ: тятя пойдемъ домой то...

Дмитрій уходитъ изъ избы; оставивъ въ недоумѣннн женщины. Спустя нѣсколько часовъ, не успѣла еще сосѣдка уйти съ бесѣды, вваливается въ избу пьяный хозяинъ. Онъ въ работѣ задремалъ, а сынъ его мальчикъ лѣтъ 12—13 дѣйствительно съ трудомъ вызвалъ своего отца идти домой.

Однажды крестьянинъ Н. Б-въ зимою уѣхалъ за дровами въ лѣсъ верстъ за 12-ть. Дома утромъ онъ не поѣлъ, но взялъ съ собою большой кусокъ хлѣба, положивъ за пазуху, чтобы поѣсть во время работы. Но когда онъ въ лѣсу рубилъ бревна ломомъ хлѣба незамѣтно вывалился изъ пазухи и онъ никакъ не могъ найти его. Работать пришлось до вечера. Сильно проголодался мужичекъ.

Идетъ онъ домой. Видитъ, что по дорожкѣ въ лѣсу идетъ впереди его какой то человекъ. Ночь была свѣтлая, лунная. Въ прохожемъ скоро узналъ крестьянинъ Дмитрія Чемодановскаго съ его корзинкою, которая повѣшена черезъ плечо на палкѣ.

И думаетъ про себя голодный крестьянинъ: вѣроятно у Дмитрія есть въ корзинкѣ кусочки хлѣба, догону его, попрошу.

Вдругъ замѣчаетъ, что юродивый пошелъ помедленнѣе, какъ бы поджидая его, потомъ всталъ въ сторонѣ дороги въ снѣгу, чтобы дать крестьянину проѣхать съ бревнами и, поздоровавшись, говоритъ:

— Долго ты прожилъ въ лѣсу то, не хошь ли, поѣшь у меня

пирога, долго тебя затянуло-то, поѣшь, вѣдь хошь (хочешь) поѣсть то; ишь какъ тебя затянуло то, поѣшь.

Удивленный крестьянинъ съ удовольствіемъ беретъ изъ рукъ челоѵка Божія поданный ему пирогъ, благодаритъ и говоритъ: приходи ко мнѣ, Дмитрій Ксенофоновичъ, я дома отдамъ тебѣ.

— Даромъ, ѣшь на здоровье, замѣчаетъ ему Дмитрій, вишь какъ тебя затянуло-то,—и начинаетъ отставать Напрасно Б—въ просилъ Дмитрія сѣсть на возъ дровъ, чтобы довести его до деревни, онъ не согласился, но медленно пошелъ по дорогѣ.

Пуркаловскій священникъ о. Владимиръ Яхлоковъ рассказываетъ два случая прозорливости Дмитрія Чемодановскаго, когда онъ былъ діакономъ въ Новосельскомъ приходѣ.

„1. Это было еще при покойномъ о. Апполоніи. Во время пасхальной славы мы застали въ деревнѣ Заборьѣ Дмитрія Чемодановскаго въ домѣ одного зажиточнаго крестьянина, который очень любилъ подвизающихся ради Господа. По окончаніи молебна хозяинъ пригласилъ причтъ попить чаю и закусить.

Мы приняли приглашеніе, сѣли. Въ сторонкѣ около священника сѣлъ и Дмитрій и завелъ съ о. Апполоніемъ какую то темную безсвязную рѣчь.

Священникъ спрашиваетъ Дмитрія, почему онъ не исполнилъ долга исповѣди и Св. Причащенія въ минувшій постъ. Дмитрій не даетъ прямого отвѣта на вопросъ, но говоритъ что то неподходящее, непонятное.

Слыша этотъ разговоръ, я невольно подумалъ про себя: и трудно же быть пастыремъ, всѣхъ то надо вразумить, наставить, даже такихъ рабовъ, какъ Дмитрій, много надо умѣнія.

Вдругъ Дмитрій встаетъ съ лавки, на которой сидѣлъ, и говоритъ: „а діакономъ то сидитъ и думаетъ: что ежели бы я былъ попомъ, то что бы сдѣлалъ съ такимъ дуракомъ“.

Конечно, я умолчалъ, не открылъ въ тотъ разъ прозорливости Дмитрія, но сталъ считать его за истиннаго челоѵка Божія, подвижника, получившаго отъ Господа за свои добродѣтели великіи даръ.

2. У меня гостила сестра—жена становаго пристава, который въ этотъ станъ переведенъ былъ въ началѣ текущаго года. Стоялъ Сентябрь. Мы замѣтили, что по грязной улицѣ идетъ Дмитрій Чемодановскій, и пригласили его въ домъ. Разговаривая съ юродивымъ, сестра спросила его: „скажи, Дмитрій, долго ли мы проживемъ на этомъ мѣстѣ?“ Дмитрій ей ничего не отвѣтилъ. Заговорилъ что-то безсвязное, а потомъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „вотъ барыня спрашиваетъ, а скажи не ладно и посади въ арестантскую.“

Конечно, ни я, ни сестра и никто изъ присутствующихъ не обратили на эти слова вниманія, но когда въ слѣдующій годъ

въ Январѣ мѣсяцѣ перевели мужа моеи сестры на должность помощника начальника арестантскихъ ротъ, то слова Димитрія и вспомнились. Это были слова провидца.

На могилкѣ Димитрія Чемодановскаго поставленъ простенькій деревянный крестъ.

Читатель, если Богъ приведетъ побывать тебѣ въ Старомъ селѣ, Кадниковскаго уѣзда, или проѣзжать мимо его, отыщи на кладбищѣ скромную могилку Димитрія съ скромнымъ крестомъ, какъ скромна была вся жизнь его, поклонись до земли, помолись объ упокоеніи раба Хрїстова, возьми въ примѣръ жизнь его, чтобы устоять среди искушеній и соблазновъ міра въ добродѣтеляхъ смиренія и терпѣнія, да и твоя жизнь пусть пойдетъ по спасительному тѣсному пути Хрїстову, а не по широкой дорогѣ, на которую зовутъ люди вышшіе учителя безвѣрія и рабы похотливой плоти.

Игуменъ Неофитъ.

„Воздай Всевышнему обѣты твои“... (Псал. 49 ст. 14).

Въ 1905 году мнѣ пришла мысль завести праздничный колоколь для своего храма, такъ какъ у насъ до сихъ поръ благоустройство совершался и въ праздники и будни, въ Пасху и къ заупокойной службѣ въ одинъ и тотъ же 40-пудовый колоколь. Для сбора добровольныхъ пожертвованій на этотъ предметъ я осенью, по окончаніи молотбы, объѣзжалъ или обходилъ приходъ съ членами попечительства. Богъ благословилъ наши труды во славу Его святого имени. Черезъ два года была возможность уже приобрести задуманную обнову для нашего храма. Нѣкоторые изъ крестьянъ жертвовали довольно крупныя суммы (50—70 р.). Крестьянинъ одной деревни, весьма состоятельный, совершенно неожиданно—безъ всякаго съ моей стороны предложенія, вызвался пожертвовать на благое дѣло сто рублей. Я отъ души благодарилъ его за такое намѣреніе, нисколько не сомнѣваясь въ его искренности. На дѣлѣ же вышло иначе. Когда пришло время ѣхать за покупкой колокола,—я напомнилъ жертвователю объ его обѣщаніи. Онъ далъ только 60 рублей и сказалъ, что больше у него денегъ нѣтъ. Въ обѣщавшемъ заговорила скупость. Человѣкъ онъ былъ очень состоятельный. Мною овладѣло неприятное чувство. Дѣлать нечего, пришлось ограничиться той лептой, которая была внесена. Вскорѣ мы со старостой и еще однимъ выборнымъ отъ прихода отправились за покупкой въ Москву, выправивъ нужные документы. Дорогою мы останавливались для поклоненія св. угодникамъ ярославскимъ, мощи которыхъ открыто

почиваютъ въ кафедральномъ соборѣ и Спасскомъ монастырѣ. Попутно заѣзжали помолиться въ Сергіеву Лавру. Въ Москвѣ поклонились кремлевскимъ святынямъ; были и въ соборѣ св. Василія блаженнаго. Купивъ колоколь свѣше ста пудовъ, мы благополучно возвратились домой.

Первымъ дѣломъ по возвращеніи я справился,—все ли благополучно у меня въ церкви и приходѣ? Оказалось, что все благополучно, только съ упомянутымъ жертвователемъ, отказавшимся доплатить 40 рублей до обѣщанной суммы, пока мы ѣздили, случилось несчастье. У него внезапно пала лучшая лошадь, стоящая болѣе 100 рублей... Лошадь была молодая, здоровая. Пришлось купить другую рабочую лошадь, за которую онъ заплатилъ 40 рублей. Услышавъ это, я невольно подумалъ: не вразумленіе ли Божіе это не сдержавшему своего обѣщанія? Впослѣдствіи онъ и самъ сознавался, что такъ понималъ онъ этотъ случай съ собой.—„Воздай Всевышнему обѣты твои, говоритъ слово Божіе...

Свящ. Н. Миролюбовъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Въ родномъ мнѣ городѣ Кадниковѣ, въ тридцатыхъ годахъ минуваго столѣтія проживала благочестная дворянская семья Богословскихъ, отличавшаяся хрістіанскими добродѣтелями. Изъ этой семьи—дѣвица Софія Ивановна была выдана замужъ за мѣстнаго врача Рузь-Баша, который, вскорѣ послѣ свадьбы перешелъ на службу въ Бессарабію, оставивъ молодую жену въ Кадниковѣ у ея матушки; съ нею Софія Ивановна и отправилась вскорѣ въ дальній путь къ мѣсту службы своего супруга. Шляхи въ то время были дороги. Дѣло было зимой. Ѣхали долго. Путешественницамъ привелось испытывать дорожныя невзгоды. Ночами становилось темно. Въ одну изъ таковыхъ ночей привелось путницамъ ѣхать лѣснымъ волокомъ въ крытой кибиткѣ. Лошади были запряжены гусемъ. Правилъ два ямщика. Передній верховой на половинѣ пути задержалъ свою лошадь. Прозвизжала остановка. Кругомъ мракъ. Вздремнувшія мать и дочь напрягли тревожное вниманіе. Соскочившій съ остановленной лошади ямщикъ добылъ огонь, подошелъ къ сидѣвшему на передкѣ кибитки товарищу и вполголоса сталъ уговариваться съ нимъ „покончить съ барынями“. Въ рукѣ разбойника блеснуло остріе охотничьяго ножа. Путницы ужаснулись. Усердно молились онѣ, призывая на помощь св. Георгія Побѣдоносца. Въ это мгновеніе путь озарился сіяніемъ и появился на бѣломъ конѣ всадникъ; онъ, въ безмолвіи, припрягъ своего коня впередъ вер-

ховой лошади и повозка тронулась въ дальнѣйшій путь. До станицы оставалось недалеко и доѣхали вполне благополучно. По прибытіи на станицю, мать и дочь были встрѣчены на крыльцѣ радушнымъ старичкомъ стационнымъ смотрителемъ и только что хотѣли возблагодарить спасаго ихъ отъ неминуемой гибели всадника, какъ были сердечно опечалены внезапнымъ исчезновеніемъ всадника и его коня...

Вышеприведенное повѣствованіе я, еще въ юношескомъ возрастѣ, слышалъ отъ своей, уже покойной, бабушки, состоявшей въ близкомъ родствѣ съ семьею Богословскихъ.

В. К—инъ.

Преподобный Іосифъ Пѣнонисецъ. (Память † апрѣля).

Дивно житіе сего великаго угодника Божія. Съ молодыхъ лѣтъ и до глубокой старости усердно служилъ онъ Господу. Много-различны были его труды: одни для своего нравственнаго преуспѣянія, другіе для Церкви Христовой, обуревавшейся въ то время иконоборческою ересью, и иные для прославленія пѣсенными похвалами св. угодниковъ Божіихъ. Обильную благодать Св. Духа имѣлъ онъ въ себѣ и обогатилъ Церковь православную многими тропарями, кондаками и канонами, составленными имъ въ честь святыхъ. Его душа была какъ бы гуслими божественными, въ которыя ударялъ Св. Духъ.

Но замѣчательная черта обнаружилась въ его характерѣ. Когда онъ почувствовалъ приближеніе своей кончины, то сталъ усердно и слезно молиться Богу, чтобы Господь по великой Своей милости покрылъ всѣ его прегрѣшенія бывшія въ жизни, безбѣдно провелъ чрезъ воздушныя страшилища и даровалъ мирную и безболѣзненную кончину, и между прочимъ исповѣдывался такъ предъ Господомъ: „аще азъ и не изъ числа угодниковъ Твоихъ, въ нихъ же поживе Духъ Святыи, вѣмъ бо мя быти грѣшна предъ Тобою“... Почему это онъ такъ говорилъ о себѣ, когда всю жизнь благоугождалъ Господу и имѣлъ въ себѣ великую благодать Божію?—А потому, что вмѣстѣ со многими другими благодатными дарованіями имѣлъ и благодать смиренія, соблюдающую душу отъ превозношенія. Обычно бо смиренію зрѣть немощи и грѣхи свои, обычно считать себя недостойнствомъ и непотребствомъ предъ Богомъ, хотя оно болѣе всего любимо и прославляемо Богомъ. Такую-то благодать смиренія имѣли и всѣ святые. Но здѣсь еще рождается вопросъ: почему святые, имѣя въ себѣ великую благодать Божію, считали себя какъ бы не имѣющими ее? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ

Св. Симеонъ Новый Богословъ, говоря: „обрученіе Святаго Духа неизъяснимо и для того, кто стяжалъ его, такъ какъ оно постигается непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живетъ и движетъ того, кто стяжалъ его; отлетаетъ изъ таинницы, въ коей пребываетъ запечатлѣннымъ, и опять обрѣтается тамъ неожиданно, чѣмъ образуетъ убѣжденіе, что оно какъ присѣченія своего не дѣлаетъ утвержденнымъ однажды навсегда, такъ отшествія своего—невозвратнымъ, постѣ котораго уже не возвратилось бы. Такимъ образомъ стяжавшій его, и когда имѣетъ его (присущимъ осязательно), есть какъ бы имѣлъ его, и когда имѣетъ его, въ такомъ находится расположеніи какъ бы не имѣлъ его“ (Т. 2 стр. 536). А затѣмъ, и вотъ еще почему: они (святые) смотрѣли не на то, что уже имѣли въ себѣ, а на то, чего еще не достигли. А такъ какъ предѣла и границъ для нравственнаго совершенствованія не существуетъ и дары Божіей благодати во всей полнотѣ не вмѣстимы для естества человѣческаго, то представляя въ себѣ ту высоту совершенства духовнаго, на которую они еще не вступили, и то величіе и обиліе даровъ духовныхъ, которыхъ они во всей полнотѣ еще не воспріяли отъ Бога.—они естественно и признавали себя рабами неключимыми и недостойными, какъ бы нисколько не преуспѣвшими нравственно,—и въ малой мѣрѣ не имѣющими благодати Христовой... Таковы Святые!..

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Протоіерей Ольшевскій въ своей книжкѣ „*Вѣ вѣры ли вы?*“ въ возможно простомъ изложеніи выясняетъ вопросы вѣры и нравственности. Взглядъ его на предметъ вѣроученія строго церковный. Авторъ довольно останавливается на пониманіи сихъ предметовъ людьми просвѣщенными въ мірскомъ смыслѣ, показываетъ ложность пониманія ими вѣро-и-право учительныхъ истинъ и устанавливаетъ, какъ слѣдуетъ относиться съ тѣмъ или другимъ явленіемъ въ духовной жизни. Книжка весьма полезная и желательно возможно широкое ея распространеніе въ интеллигентной средѣ. Ею можно пользоваться для веденія богословскихъ чтеній для интеллигенціи.

Священникъ Ан. Поповъ.